

ИСКУССТВО ПИСЬМА

I.	...5
<i>Преследование и искусство письма</i> (Лео Штраус (1941))	
II.	...21
<i>Император Юлиан и его искусство письма</i> (Александр Кожев (1964))	
III.	...43
<i>Юлиан Грек</i> (Фридрих Киттлер (2009))	
Приложения:	...49
Примечания переводчика ^(*) Андреас Хипко. <i>Плоды переписки</i>	
Дополнение:	...59
<i>Для служебного пользования</i> (Владимир Бибухин (1999))	

Перевод с англ. – Борис Скуратов. (редактура перевода – В.Файбышенко)
по изданию: *Leo Strauss*, “Persecution and the Art of Writing”,
Social Research, Vol. 8, №4, November 1941.

for presentational & educational purposes only

Преследование и искусство письма

То, что порок очень часто проявлял себя освободителем духа – один из самых унижительных, но также один из несомненнейших исторических фактов.
В.Э.Х. Леки*

I.

В целом ряде стран, где на протяжении примерно сотни лет жители пользовались практически неограниченной свободой публичной дискуссии, эта свобода теперь отменена и заменена принуждением, которое должно настроить все публичные речи на такие взгляды, какие правительство считает полезными и придерживается со всей строгостью. Может быть, необходимо приложить усилия к тому, чтобы ненадолго задуматься над тем, как это принуждение или это преследование влияет и на мышление, и на действиеⁱ.

Значительная часть населения и, предположительно, подавляющее большинство молодого поколенияⁱⁱ считает взгляды, поощряемые правительством, истинными, если не сразу же, то спустя некоторое время. Как их людей в этом убедили? И какую роль играет в этой связи фактор времени? Их не убедили принуждением, так как принуждение убеждать не может. Принуждение может лишь торить путь убеждению, принуждая к молчанию всякое противоречие. То, что зовется свободой мысли, означает в большинстве случаев – и практически даже состоит в возможности выбирать между двумя или тремя различными взглядами, которые публично представлены малым числом публичных ораторов или писателей.ⁱⁱⁱ Если этого выбора лишают, у

i *Scribere est agere*. См. Sir William Blackstone, *Commentaries*, IV Book, Chap. 6 [Имеются в виду авторитетнейшие «Комментарии к законам Англии» (1765-1769) английского судьи Вильяма Блэкстоуна (1723-1780)]. Ср. Machiavelli, *Discorsi*, III, 6 (*I Classici del Giglio*, S. 424-26); Декарт, *Пассуждение о методе*, VI, начало.

ii *Сократ*: Но как заставить поверить мифу – есть ли у тебя для этого какое-нибудь средство? *Главкон*: Никакого, чтобы поверили сами [первые] стражи, но можно это внушить их сыновьям и позднейшим потомкам, и для других людей более поздних времен. *Сократ*:... я примерно понимаю твои слова. Платон, *Государство*, 415 с6-d5 [Платон, Собр. соч. в 3-х томах, т. 3, ч. 1, с. 203].

iii «Разум есть не что иное, как выбор», – гласит центральный тезис «Ареопагитик» Мильтона.

множества людей отнимают единственную форму духовной независимости, которая им доступна, т. е. – единственную свободу мысли, которая имеет политическое значение. Итак, преследование является непереносимым условием для того, чтобы то, что называют *logica equina*^{*} достигло высочайшей эффективности. Согласно несомому конями Пармениду^{*}, или Гулливеровым гуингнмам^{*}, невозможно сказать – во всяком случае, разумно сказать то, «чего нет», т. е. ложь немислима. Эта логика свойственна не только лошадям или увлекаемым лошадьми философам, но и определяет – пусть в слегка измененной форме – мышление многих обыкновенных людей. Само собой разумеется, они могут допустить, что человек может лгать, и действительно лжет. Они, однако, добавляют, что ложь недолговечна и не выдерживает испытания повторением – разве что повторение будет непрерывным; следовательно, утверждение, которое непрерывно повторяется и никогда не оспаривается, должно быть истинным. Согласно другому способу аргументации высказывание обычного человека может быть ложью, однако истинность высказывания ответственного и уважаемого человека – а тем самым, в особенности, человека, занимающего ответственный и высокий пост, – обладает высокой надежностью. Обе эти энтимемы^{*} ведут к заключению, что истинность высказывания, непрерывно повторяющегося главой правительства и никогда не оспариваемого, – абсолютно надежна.

Отсюда следует, что в соответствующих странах, всех, чье мышление не подчиняется *logica equina*, иначе говоря, всех, кто способен к поистине независимому мышлению, невозможно заставить принять требуемые правительством взгляды. Поэтому преследование не может помешать независимому мышлению. Оно не может помешать даже выражению независимой мысли. Ибо сегодня не менее истинно, чем более двух тысяч лет назад, что можно безопасно сообщить известную нам истину доброжелательным и достойным доверия знакомым, или, точнее, понимающим друзьям.ⁱ Преследование не может воспрепятствовать даже публичному высказыванию гетеродоксальной истины, так как самостоятельно мыслящий человек может публично выражать свои взгляды и остаться неуязвимым, если только он действует с осмотрительностью. Он может даже печатать их, не подвергаясь опасности, если он умеет писать между строк.

Выражение «письмо между строк» и указывает на предмет этой статьи. Ибо преследование воздействует на литературу как

ⁱ Платон, *Государство*, 450 d3-e1.

раз посредством того, что оно принуждает авторов, представляющих гетеродоксальные взгляды, развивать особую технику письма, технику, которую мы имеем в виду, когда говорим о письме между строк. Очевидно, это выражение является метафоричным. Всякая попытка выразить его значение не метафорическим языком приводит к открытию *terra incognita*, к полю, точных размеров которого мы до сих пор не знали и которое представляет собой обширную область для в высшей степени увлекательных и даже важных исследований. Не опасаясь быть обвиненным в преувеличении, можно сказать, что практически единственные предварительные наработки, которыми мог бы руководствоваться исследователь в этой сфере, содержатся в произведениях античных риториков.

Возвращаясь к нашей текущей теме, рассмотрим простой пример, который у меня есть причины считать не таким далеким от действительности, как кажется поначалу. Мы можем легко представить себе, что историк, живущий в тоталитарной стране, всеми уважаемый и не вызывающий подозрения член единственной существующей партии, будет своими исследованиями подведен к сомнению относительно обоснованности поощряемой правительством интерпретации истории религии. Никто не воспрепятствует этому историку опубликовать страстный памфлет против того, что он назовет либеральной точкой зрения. Конечно, ему пришлось бы изложить либеральную точку зрения, прежде чем нападать на нее. Это изложение он напишет спокойно, невыразительно, и даже слегка скучно, что покажется весьма естественным; он употребит много технических терминов, приведет много цитат, и придаст несоразмерную важность незначительным деталям; он сделает вид, будто за бестолковыми придирками педантов забыл о священной войне человечества. Лишь когда этот историк доберется до ядра своей аргументации, он напишет три-четыре предложения в том напряженном и оживленном стиле, который пригоден для того, чтобы возбудить внимание молодых людей, склонных мыслить. Это центральное место выразит доводы противников убедительнее и безжалостнее, чем если бы они высказывались в эпоху расцвета либерализма, поскольку оно молчаливо отбросит все те глупые перегибы либеральной веры, которые оформились, когда либерализм утвердился и поэтому начал впадать в своего рода зимнюю спячку. Понятливый молодой читатель этого мыслителя сможет впервые бросить беглый взгляд на запретный плод. Нападки, состав-

ляющие большую часть произведения, будут состоять в злобном раздувании самых злобных выражений священной книги или книг правительственной партии. У умного молодого человека, которого до сих пор, по его юным летам, привлекали неумеренные выражения, они теперь будут вызывать только отвращение, либо, – поскольку он уже отведал запретный плод, – даже скуку. При втором и третьем прочтении он сам обнаружит в расположении цитат из авторитетных книг существенные дополнения к немногим и кратким утверждениям, располагающимся в центре довольно небольшой первой части.

Итак, преследование порождает своеобразную технику письма, и тем самым – своеобразный тип литературы, при которой истина обо всех важнейших вещах прочитывается исключительно между строк. Эта литература адресована не всем читателям, но только умным и достойным доверия. Она обладает всеми преимуществами частного сообщения, но без его крупнейшего недостатка – оно достигает лишь круга знакомых писателя. Она обладает всеми преимуществами публичного сообщения, но и без его крупнейшего недостатка – высшей меры наказания для автора. Однако как совершить чудо, публично обратившись к меньшинству и промолчав для большинства своих читателей? Обстоятельства, делающие возможной такую литературу, можно выразить аксиомой: не мыслящие люди – невнимательные читатели, а мыслящие люди – внимательные читатели. Поэтому автор, желающий обратиться лишь к мыслящим людям, должен писать таким образом, что смысл его книги сможет распознать лишь очень внимательный читатель. Однако, можно возразить, что существуют толковые люди и внимательные читатели, которые недостойны доверия, и поэтому они донесут на автора властям, как только поймут его замысел. В действительности, такая литература была бы невысказанной, если бы изречение Сократа относительно того, что добродетель есть знание, а следовательно, мыслящие люди, по определению достойны доверия и не злы, было бы совершенно неверно.

Вторая аксиома, которая, однако, верна лишь тогда, когда преследование остается в границах законной процедуры, гласит, что внимательный писатель, обладающий обычным умом, умнее, нежели умнейший цензор. Ибо бремя доказательства возложено на цензора. Он – или же государственный прокурор – должен доказать, что автор исповедует или выражает гетеродоксальные взгляды. Чтобы сделать это, ему следует продемонстрировать, что

определенные литературные недочеты произведения обязаны своим появлением не случайности, но что автор намеренно избрал определенное двусмысленное выражение, либо намеренно плохо построил определенную фразу. Поэтому цензор должен не только доказать, что автор умен и вообще хороший писатель (поскольку тот, кто намеренно спотыкается в письме, должен владеть искусством письма), – но еще и то, что автор находился на обычном уровне своих интеллектуальных возможностей, когда писал инкриминируемые ему слова. Но как можно это доказать, если даже Гомер время от времени “клюет носом”?

II.

Подавление независимого мышления было не редкостью в прошлом. Есть основание предполагать, что в предшествующие эпохи было приблизительно столько же людей, способных к независимому мышлению, сколько и сегодня, и что, по меньшей мере, некоторые из них умели сочетать понимание вещей с осторожностью. Поэтому возникает вопрос, не приспособили ли некоторые из величайших писателей прошлого свою литературную технику к условиям преследования, высказывая свои взгляды по всем насущным вопросам своего времени исключительно между строк.

Однако определенные привычки, восходящие к сравнительно недавнему прогрессу в исторических исследованиях или связанные с ним, препятствуют нам рассмотреть эту возможность, а еще больше – сопряженные с нею вопросы. Этот прогресс обусловлен, на первый взгляд, всеобщим признанием и окказиональным применением нижеследующих принципов. Каждую эпоху прошлого следует понимать, исходя из нее самой, а, стало быть, ее нельзя оценивать согласно критериям, привносимым извне. Каждого автора необходимо – по мере возможности – истолковывать, исходя из него самого; для интерпретации того или иного автора нельзя использовать такие понятия, которые невозможно перевести на его язык буквально, которые не использовались им, либо не были в его эпоху общеупотребительными. Правильными следует считать лишь такие представления взглядов автора, которые, в конечном счете, подкреплены его собственными эксплицитными высказываниями. Последний принцип является решающим: кажется, будто он априори исключает из сферы человеческого познания такие взгляды

авторов прежнего времени, которые опознаются исключительно между строк. Ибо если автор неустанно на каждой странице своей книги эксплицитно провозглашает, что *a* есть *b*, однако между строк намекает, что *a* не есть *b*, то современный историк все-таки потребует эксплицитных свидетельств, доказывающие, что автор придерживался мнения, что *a* не есть *b*. Поскольку привести такие свидетельства порой невозможно, современный историк убеждается: он может отбрасывать всякое чтение между строк, как произвольное гадание, или – если он достаточно ленив – считать его интуитивным познанием.

Применение этих принципов имело существенные последствия. Еще на памяти ныне живущих время, когда многие – на основании известных высказываний Бодена, Гоббса, Бёрка, Кондорсе и других – полагали, что политическое мышление Нового времени в своих фундаментальных концепциях отличается от политического мышления Средневековья и древности. Один из знаменитейших историков наших дней учил нынешнее поколение исследователей, что «По меньшей мере, начиная с юристов II в., и вплоть до теоретиков Французской революции, история политического мышления протекала как непрерывный процесс, изменяя форму, модифицируясь в содержании, но в основополагающих идеях оставаясь той же».ⁱ До середины XIX столетия полагали, что Аверроэс был враждебен всем религиям. Однако после успешной атаки Ренана на то, что сейчас называется средневековой легендой, сегодняшние ученые считают Аверроэса лояльным, и даже верующим мусульманином.ⁱⁱ Прежде ученые придерживались мнения, что для мировоззрения греческих врачей характерна «ликвидация религиозного и магического мышления». Недавно выступивший автор заявляет, что «врачи – последователи Гиппократата... как ученые, принимали догму сверхъестественного».ⁱⁱⁱ Лессинг, один из глубочайших гуманистических всех времен, наделенный редчайшим единством учености, вкуса и философского дара, придерживался убеждения, что существуют истины, которые не следует или невозможно высказывать, и полагал, что «все древние философы» различали между своими экзотерическими и эзотерическими

i Robert W. Carlyle, Alexander J. Carlyle, *A History of Medieval Political Theory in the West*, 1, 2 Ed., Edinburgh 1927, 2.

ii Ernest Renan, *Averroès et l'Averroïsme*, 3 éd., Paris, 1866, 292 suiv; Léon Gauthier, *La théorie d'Ibn Rochd (Averroès) sur les rapports de la religion et de la philosophie*, Paris 1909, 126 suiv; 177 ff. См. также статью Леона Готье "Scolastique musulmane et scolastique chrétienne", *Revue d'Histoire de la Philosophie*, II (1928), 221 ff.; 333 ff.

iii Ludwig Edelstein, "Greek Medicine in its Relation to Religion and Magic", *Bulletin of the Institute of the History of Medicine*, V (1937). 201, 211.

учениями. После того, как великий теолог Шлейермахер убедительной аргументацией отстоял взгляд, что существует только одно учение Платона, вопрос об эзотерике древних философов практически сузился до толкования «эзотерических речей» Аристотеля; сегодня один из крупнейших гуманитариев наших дней утверждает, что атрибуция тайного учения Аристотелю имеет «явно позднее происхождение, происходящее из духа неопифагорейства».^{iv} Согласно Гиббону, Евсевий «косвенно признал, что он передавал то, что обещало приумножить славу религии, и утаивал всё, что служило бы к ее бесчестию». А вот согласно одному современному историку, «суждение Гиббона, что *Церковная история** в высшей степени пристрастна, само является предвзятым».^v Вплоть до конца XIX века многие философы и историки считали, что Гоббс – атеист. Сегодня многие историки эксплицитно или по умолчанию отвергают этот взгляд; один современный мыслитель, не считая Гоббса религиозным человеком в собственном смысле слова, все-таки видит в произведениях Гоббса контуры неокантианской философии религии.^{vi} Сам Монтескье, подобно некоторым из его современников, считал, что «О духе законов» имеет хороший, и даже великолепный план; еще Лабулэ* придерживался мнения, что явная темнота композиции, а также прочие явные литературные недостатки представляют собой лишь следствие цензуры или преследования. Однако же, один из наиболее значительных современных политических историков утверждает, что у Монтескье, «собственно говоря, нет связного изложения предмета и необычайное множество не относящихся к делу вещей», а также «нельзя говорить о том, что в «Духе законов» Монтескье можно найти какой-то порядок».^{vii}

iv Lessing, *Ernst und Falk*, 2. Gespräch; “Leibniz von den ewigen Strafen”, *Werke*, hrsg. von Julius Petersen und Waldemar v. Olshausen, Berlin 1925, XXI, 147. Friedrich Schleiermacher, *Platons Werke*, Berlin 1804, Bd. I, 1, S. 12-20. Werner Jaeger, *Aristoteles*, Berlin 1923, 33. Cp. Alexander Grant, *The Ethics of Aristotle*, London 1874, I, 398 ff.; Eduard Zeller, *Aristoteles und die alten Peripatetiker*, 3. Aufl., Leipzig 1879, 124 ff.

v James T. Sitwell, *The History of History*, I, New York 1939, 356 ff.

vi Ferdinand Tönnies, *Thomas Hobbes*, 3. Aufl., Stuttgart 1925, 148. George E. G. Catlin, *Thomas Hobbes*, Oxford 1922, 25. Richard Höningwald, *Hobbes und die Staatsphilosophie*, München 1924, 176 ff. Leo Strauss, *Die Religionskritik Spinozas als Grundlage seiner Bibelwissenschaft*, Berlin 1930, 80. Zbigniew Lubinski, *Die Grundlagen des ethisch-politischen Systems von Hobbes*, München 1932, 213 ff.

vii George H. Sabine, *A History of Political Theory*, New York 1937, 556, 551. Friedrich Meinecke, *Die Entstehung des Historismus*, München 1936, 139 ff., 151, Fußnote 1 [Существует русский перевод: Мейнеке, Фридрих, *Возникновение историзма*, М., 2004, пер. В.А. Брун-Цехового – прим. пер.]. Edouard Laboulaye, “Introduction à l’Esprit des Lois”. *Ceuvres complètes de Montesquieu*, Paris 1876, t. 3, p. XVIII suiv. Лабулэ цитирует в этой связи важное место из «Похвалы Монтескье» д’Аламбера. Cp. Bertolini, “Analyse raisonnée d’Esprit des Lois” (ibid.), p. 6, 14, 23 suiv., 34, 60 suiv. Замечания

Эти не вполне произвольно выбранные примеры показывают, что характерное различие между прежними и новыми взглядами следует возводить не только к прогрессу в исторической точности, но так же к принципиальному изменению интеллектуального климата. За последние десятилетия традиция рационализма, служившая общим знаменателем для прежних взглядов и влиятельная даже в позитивизме XIX века, либо все глубже трансформировалась, либо наотрез отвергалась непрерывно растущим числом людей. На вопрос о том, следует ли – и в какой степени следует – считать это изменение прогрессом или упадком, может ответить только философ.

Историку выпадает более скромная задача. Он вправе всего-навсего настаивать на том, что, несмотря на все перемены, которые свершились и еще свершатся в интеллектуальном климате, необходимо и в дальнейшем придерживаться традиции исторической точности. В соответствии с этим, он с самого начала отвергнет произвольные стандарты точности, позволяющие а priori исключить существеннейшие факты прошлого из человеческого познания, но будет применять критерии достоверности, которые направят его исследование к природе предмета. Поэтому историк будет придерживаться следующих правил: чтение между строк строго запрещается во всех случаях, где оно приводит к менее точным результатам, чем при условии отказа от него. Легитимно только такое чтение между строк, которое начинается с аккуратного рассмотрения эксплицитных высказываний автора. Необходимо полностью понять контекст, в котором находится высказывание, литературный характер, а также план всего произведения, прежде чем мы обоснованно сможем утверждать, что толкование этого высказывания является адекватным или даже верным. Мы не вправе ни удалять пассаж, ни исправлять его текст, прежде чем тщательно не рассмотрим всякую разумную

д'Аламбера, Бертолини и Лабулэ представляют собой исключительно рассуждения о том, на что намекает сам Монтескье, когда, например, пишет в предисловии: «Если искать план автора, то найти его можно только в плане произведения» (см. конец Книги 11 и два письма Гельвеция, *ibid.*, т. 6, р. 314, 320). Д'Аламбер пишет: «Мы говорим о *темноте*, которую можно допустить для такой работы, а также об *отсутствии порядка*. Однако то, что может показаться темным обычному читателю, не является таковым для тех, кого автор имеет в виду; впрочем, намеренной темноты тоже нет. Г-н де Монтескье, которому иногда приходилось высказывать значительные истины, полное и открытое выражение которых могло бы кое-кого без надобности задеть, обладал мудростью их маскировки; и он – благодаря этому невинному приему – скрыл эти истины от тех, для кого они были бы вредны, хотя для мудрых они не погибли». Точно так же некоторые современники «ритора» Ксенофонта считали, что то, «что прекрасно и методично написано – не написано ни прекрасно, ни методично» (*Cynegeticus* [имеется в виду трактат Ксенофонта «Об охоте», или «О псовой охоте» – прим. пер.], 13. 6).

возможность понять именно это место, как оно есть – причем одна из этих возможностей заключается в том, что его можно понимать иронически. Если мастер искусства письма совершает грубые промахи, за которые было бы стыдномышленому школьнику, то можно оправданным образом исходить из того, что они были совершены преднамеренно – в особенности, тогда, когда автор, пусть мимоходом, обсуждает возможность умышленных ошибок. Без предшествующей проверки взгляды автора драмы или диалога нельзя отождествлять со взглядами, высказанными одним или несколькими персонажам, как и с теми взглядами, которые разделяют наиболее привлекательные из них. Реальное мнение автора не обязательно тождественно тому, которое он высказывает чаще всего. Короче говоря, точность не следует путать с отказом или неспособностью видеть за деревьями лес. Действительно строгий историк, примирится с фактом, что одно дело – побеждать в споре или практически убеждать каждого в собственной правоте, и другое – понимать мышление великих авторов прошлого.

Поэтому необходимо признать возможным, что чтение между строк не приведет к полному единству между всеми исследователями. Если это представляет собой возражение против чтения между строк как такового, то существует и контрвозражение, что никакие общепринятые сегодня методы не привели к общему, или хотя бы к широкому, согласию по самым важным пунктам. Ученые прошлого столетия были склонны решать литературные проблемы, обращаясь к генезису произведения, или даже мышления автора. Противоречия или расхождения в рамках одной и той же книги, или между двумя книгами одного и того же автора, расценивались как признак того, что изменились и его мысли. Если же противоречия переходили определенную меру, то порою – без всяких внешних свидетельств – объявляли одно из произведений поддельным. За последнее время этот метод все более приобретал дурную славу, и сегодня многие исследователи относятся к литературной традиции консервативнее и не поддаются влиянию одной лишь внутренней очевидности. Однако конфликт между традиционалистами и представителями высокой критики ни в коей мере не урегулирован. Традиционалисты в определяющих случаях могут продемонстрировать, что высокая критика вообще не в состоянии доказать свои гипотезы; и все-таки, даже если бы все ответы, предложенные представителями высокой критики, были в конечном счете признаны

неправильными, то вопросы, которые вели их прочь от традиции, ищущая опробовать новый подход, нередко свидетельствуют об осознании проблем, которые как будто не нарушают дремоты типичного традиционалиста. Адекватный ответ на самые значительные из этих вопросов требует методической рефлексии над литературной техникой великих авторов прошлого (в связи с типичным характером сопряженных с ними литературных проблем: темнота плана, противоречия внутри одного и того же произведения или между двумя или несколькими произведениями одного и того же автора, опущение важных промежуточных этапов аргументации). Такая рефлексия с необходимостью выходит за границы современной эстетики и даже традиционной поэтики, и, на мой взгляд, рано или поздно вынудит ученых принять в расчет феномен преследования. Упомянем и другой аспект той же ситуации. Иногда мы замечаем, что традиционная, поверхностная доксографическая интерпретация, и более понимающая и глубокая монографическая интерпретация одного и того же великого автора прошлого противоречат друг другу. Но они ни в чем не уступают друг другу по точности, так как обе основаны на эксплицитных высказываниях соответствующего автора. Однако же возможность того, что традиционное толкование отражает экзотерическое учение автора, а монографическая интерпретация застревает на полпути между экзотерическим и эзотерическим учением того же автора, сегодня видят совсем немногие.

Современные исторические исследования, возникшие в эпоху, когда преследование представляло собой, скорее, нечто из стершихся воспоминаний, нежели действенный опыт, противостоят старой склонности читать между строк великих авторов, или придавать их фундаментальной конструкции больший вес, чем взглядам, которые они воспроизводили чаще всего. Каждая попытка восстановить прежний подход в нашу эпоху историзма встает перед проблемой критерия, который позволяет различать между оправданным и неоправданным чтением между строк. Если верно, что между преследованием и письмом между строк существует необходимая корреляция, то имеется и необходимый негативный критерий: обсуждаемая книга должна быть написана в эпоху преследования, т. е. во время, когда силой закона или обычая поддерживалась политическая или какая-то другая ортодоксия. Позитивный же критерий таков: если талантливый автор, обладающий здравым рассудком и превосходным знанием ортодоксальных взглядов и всех их разветвлений, как бы ми-

моходом противоречит одной из их необходимых предпосылок или следствий, каковые он в других местах эксплицитно признаёт и отстаивает, то можно предположить, что он отвергает и всю ортодоксальную систему в целом – мы должны еще раз изучить всю его книгу с самого начала, с большей тщательностью и меньшей наивностью, чем прежде. В некоторых случаях мы обладаем даже эксплицитными свидетельствами, которые доказывают, что автор лишь между строк намекал на свои взгляды по важнейшим предметам. Правда, такие утверждения, как правило, находятся не в предисловии или других слишком заметных местах. Многие из них мы не только не замечаем, но даже не понимаем, пока придерживаемся взгляда на преследование и отношения к свободе речи и искренности, утвердившихся за последние три столетия.

III.

Термин «преследование» охватывает множество разнообразных феноменов от наиболее безжалостной формы преследования, явленной испанской инквизицией, до наиболее мягкой – общественного остракизма. Между этими крайностями расположились те типы преследования, которые имеют наибольшее значение с точки зрения истории литературы или истории духа. Примеры можно найти в Афинах V-IV вв. до н. э., в некоторых исламских странах раннего Средневековья, в Голландии и Англии XVII в. и во Франции и Германии XVIII в.: все эти эпохи были сравнительно либеральными. И все-таки достаточно даже одного взгляда на биографии Анаксагора, Протагора, Сократа, Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Авиценны, Аверроэса, Маймонида, Гроция, Декарта, Гоббса, Спинозы, Локка, Бейля, Вольфа, Монтескье, Вольтера, Руссо, Лессинга и Канта,ⁱ а иногда – одного взгляда на титульные листы их книг, чтобы убедиться в том, что они переживали или перенесли, по крайней мере, в определенные периоды своей жизни, такую форму преследования, которая была ощутимее общественного остракизма. Мы также не должны упускать из виду недостаточно подчеркнутый авторитетами факт, что религиозное преследование и преследование

ⁱ Даже столь мало склонный к подозрению или какому-нибудь иному виду скепсиса историк, как Ч.Э. Воган [Воган, Чарльз Эдвин (1854-1922) – английский литературовед – прим. пер.], замечает в отношении Канта, чья ситуация сама по себе образует некий класс: «Мы ощущаем прямо-таки необходимость подозревать Канта в том, что он ведет с читателями игру и лелеет тайное влечение к революции». (*Studies in the History of Political Philosophy*, Manchester, 1939, II, 83.)

свободного исследования – не одно и то же. Существовали времена и страны, когда и где были дозволены всевозможные формы религии, или, по меньшей мере, значительное разнообразие форм вероисповедания, но не свободное исследование.ⁱ

Какую позицию мы занимаем по вопросу свободы публичной дискуссии – в значительной степени зависит от того, что мы думаем о народном образовании и его границах. Философы до эпохи модерна, как правило, были более сдержанными в этом отношении, нежели философы Нового времени. С середины XVII в. всё больше гетеродоксальных философов, которые сами страдали от преследований, публиковали свои книги не только ради сообщения собственных мыслей, но и для того, чтобы положить конец преследованиям как таковым. Они полагали, что подавление свободных исследований и опубликования результатов свободных исследований является случайностью, что это – лишь следствие несовершенного государственного устройства, что, следовательно, царство всеобщей тьмы может быть заменено республикой универсального света. Они с нетерпением ожидали эпохи, когда – в результате прогресса народного образования – будет возможна практически полная свобода речи, или – используем преувеличение ради отчетливости – в сторону эпохи, когда не будет никого, кто был бы задет какой-либо истиной, достигшей его ушей.ⁱⁱ Они утаивают свои взгляды лишь в той степени, в какой они стремятся защититься от преследования; если бы они были тоньше, они бы не достигли своей цели – просвещать непрерывно растущее количество людей, не являющихся потенциальными философами. Поэтому читать между строк их книг сравнительно легко.ⁱⁱⁱ Поведение авторов старого типа было

i См. “Fragment”; H.S. Reimarus [Реймарус, Герман Самуэль (1694-1768) – философ-деист, считавший Христа всего лишь «еврейским революционером»; фрагменты его произведений опубликованы у Лессинга – прим. пер.], “Von Duldung der Deisten” in Lessings *Werke*, а. а. О., XXII, 38 ff.

ii Вопрос о том, не достижима ли эта конечная цель только в условиях безмятежной жизни, сформулирован Арчибалдом Маклишем [Маклиш, Арчибалд (1892-1982) – американский поэт-модернист; главный библиотекарь Конгресса – прим. пер.] в “Post-War Writers and Pre-War Readers”, *Journal of Adult Education*, vol. 12 (June 1940) следующим образом: «Вероятно, всякий писатель, который живет не в самые упорядоченные и стабильные времена, должен запретить себе роскошь всеобъемлющей исповеди, чрезмерного отчаяния, сверлящего сомнения. Я не знаю».

iii Я думаю, в первую очередь, о Гоббсе, чье значение для вышеуказанного процесса едва ли можно переоценить. Это ясно понял Теннис, особо подчеркивавший два высказывания своего героя: “Paulatim eruditur vulgus” [Чернь постепенно учится – прим. пер.] и “Philosophia ut crescat libera esse debet nec metu nec pudore coerenda” [Чтобы возникнуть, философия должна быть свободной, и ее не должны сдерживать ни страх, ни стыд – прим. пер.] (Tönnies, *op. cit.*, S. IV, 195). Гоббс также говорит: «Подавление того или иного учения только объединяет и озлобляет, т. е. увеличивает как злобу, так и силу тех, которые в него уже уверовали». (*English Works*, ed. by Molesworth, VI, 242). В своей книге *Of Liberty and Necessity* [О свободе и необходимости

принципиально иным. Они полагали, что пропасть, отделяющая «мудреца» от «обычного человека», является основополагающим фактом человеческой природы, на которую не может повлиять никакой прогресс в народном образовании: философия, как и наука, по своей сущности была привилегией «немногих». Они придерживались убеждения, что для большинства людей философия как таковая подозрительна и ненавистна.^{iv} Даже если им было нечего опасаться ни от какого политического лагеря, те, кто исходил из такой предпосылки, должны были прийти к заключению, что публичное распространение философской либо научной истины не только на время, но и вообще для всех времен невозможно и нежелательно. Они должны были утаивать свои намерения от всех, за исключением философов, либо ограничиваясь устным преподаванием для тщательно отобранной группы учеников, либо сообщая о важнейшем предмете лишь посредством «кратких намеков».^v

Письменные произведения естественно доступны каждому, кто умеет читать. Поэтому философ, выбирающий второй путь, может сообщать лишь такие мнения, которые приемлемы для нефилософствующего большинства; строго говоря, все его произведения должны быть экзотерическими. Эти мнения не всегда будут согласны с истиной. Являясь философом, т. е. тем, кто «ложь в душе» ненавидит больше всего остального, он не может обманываться насчет того, что подобные мнения суть не что иное, как «правдоподобные сказки», «благородная ложь» или «вероятные мнения» и предоставит своим читателям-философам извлекать истину из поэтической или диалектической презентации; однако с его намерением шло бы вразрез, если бы он давал ясные указания на то, какие из его высказываний представляют собой благородную ложь, а какие выражают еще более

– прим. пер.], London 1654, 35 ff., Гоббс пишет маркизу Ньюкаслу [подразумевается Вильям Кавендиш Ньюкасл (1592-1676) – видный роялист в годы борьбы между королем и парламентом, покровитель Гоббса – прим. пер.]: «Я должен признать, если мы рассмотрим большую часть человечества, не какой она должна быть, а какова она есть... я должен признать, что диспут по этому вопросу, скорее, повредит их благочестию, нежели усилит его, и поэтому если бы его преосвященство [епископ Брэмхолл] [Джон Брэмхолл (1594-1663) – англиканский богослов, злейший противник Гоббса – прим. пер.] не пожелал бы этого ответа, я его не написал бы, а пишу я его лишь в надежде, что его преосвященство и вы сохраните его при себе».

iv Цицерон, *Тускуланские беседы*, II, 4. Платон, *Федон*, 64 б; *Государство*, 520 b2-3; 494 a4-10.

v Платон, *Тимей*, 28 с3-5, *Письмо седьмое*, 332 d6-7, 341 с4-е3, 344 d4-е2. Доказательство, что вышеупомянутые взгляды совместимы с демократическими убеждениями, приводит Спиноза, который был поборником не только либерализма, но и демократии (*Tractatus politicus*, XI, 2, hrsg. von Bruder). См. также его *Tractatus de intellectus emendatione*, 14, 19, а также *Tractatus theologico-politicus*, V 35-39, XIV 20, конец XV.

благородную истину. Для философски настроенных читателей он сделал бы уже слишком много, если бы направил их внимание на тот факт, что ему не претит рассказывать ложь, если та благородна, или сказки, всего лишь похожие на истину. По крайней мере, с точки зрения историка литературы, не существует более заслуживающего упоминания различия между типичным философом, жившим до эпохи модерна (который едва ли отличим от писателя, жившего в ту же эпоху), и типичным философом эпохи модерна, нежели различие в их отношении к «благородной (или истинной) лжи», «благочестивому обману», “ductus obliquus”ⁱ, или к «экономии истины». Всякого порядочного современного читателя непременно шокирует один лишь намек на то, что великий человек может преднамеренно обманывать громадное большинство своих читателей.ⁱⁱ И все-таки – как однажды заметил один либеральный теолог – эти подражатели хитроумному Одиссею, вероятно, были всего лишь откровеннее нас, когда они называли «благородной ложью» то, что мы назвали бы «учетом социальной ответственности».

Итак, экзотерическая книга содержит два учения: располагающееся на переднем плане популярное учение назидательного характера; и затрагивающее важнейшие вопросы философское учение, которое сообщается намеками между строк. Не следует отметить того, что некоторые великие авторы высказывали определенные значительные истины совершенно откровенно, используя какого-нибудь пользующегося дурной славой персонажа в качестве рупора своих идей: тем самым они показывали, сколь неприятно им высказывать соответствующую истину. Это также может объяснить, почему они в значительных произведениях прошлого вывели столько занимательных черт, нищих, софистов, пьяниц, эпикурейцев и скоморохов. Однако на самом деле такие книги ориентированы ни на нефилософское большинство, ни на совершенного философа, но на молодого человека, который мог бы стать философом: потенциальных философов должно шаг за шагом вести от популярных взглядов, от которых нельзя отказаться из-за их практического и политического зна-

i Томас Мор, *Утопия*, последняя часть второй книги.

ii Довольно обширное обсуждение того, что Августин называл “magna quaestio, latebrosa tractatio, disputatio inter doctos alternans” [большой вопрос, туманное исследование, спор, в котором одни ученые мужи говорят «да», а другие – «нет» – прим. пер., цитата из произведения «О лжи»], находим в: Grotius, *De Jure Belli ac Pacis*, III, Cap. I, §7 ff., особ. §17, 3. См. также *inter alia* девятое и десятое *Письма к провинциалу* Паскаля, а также Jeremy Taylor [Тейлор, Джереми (1613-1667) – известнейший англиканский теолог, отличавшийся толерантностью и красотой стиля – прим. пер.], *Ductor Dubitantium*, Liber III, Cap. 2, Regula 5.

чения, к чисто и строго теоретической истине. Им будут указывать путь определенные бросающимися в глаза загадочные особенностями в изложении популярного учения – темнота плана, противоречия, псевдонимы, неточные повторения прежних высказываний, странные выражения и т. д. Такие особенности недостаточны для того, чтобы пробудить от дремоты тех, кто за деревьями не видит леса; для тех же, кто может проснуться, они служат пробуждающими камнями преткновения. Все книги этого типа возникли благодаря любви зрелого философа к щенкам^{iii*} его породы, которыми он, в свою очередь, хочет быть любим: все экзотерические книги представляют собой «записанные речи, вызванные любовью».

Экзотерическая литература предполагает, что существуют базовые истины, которые публично не высказывает ни один достойный человек, потому что они могут многих оскорбить; а задетые опять-таки естественно склонны задевать тех, кто высказывал неприятные истины. Иными словами, она предполагает, что свобода исследования и публикации результатов исследования не есть гарантированное основное право. Значит, эта литература, по сути, относится к обществу, не являющемуся либеральным. Поэтому мы вполне можем задать вопрос, какую пользу она могла бы принести в действительно либеральном обществе. Ответ прост. В «Пире» Платона Алкивиад – откровенный сын откровенных Афин – сравнивает Сократа и его речи с известными скульптурами, которые – если на них смотреть извне – очень безобразны, а внутри скрывают прекраснейшие образы богов. Произведения величайших писателей прошлого даже снаружи прекрасны. И все-таки их видимая красота – это откровенное уродство в сравнении с красотой скрытых сокровищ, открывающихся лишь после очень длительной работы, никогда не легкой, но всегда приятной. По-моему, эта всегда трудная, но всегда приятная работа и есть то, что имели в виду философы, когда советовали получать образование. Образование, как они считали – единственный ответ на от века насущный вопрос, на политический вопрос *par excellence*: как можно привести к гармонии порядок, не являющийся угнетением, и свобод, не являющуюся необузданностью.

---

iii Ср. Платон, *Государство*, 539 a5-d1, с *Апологией Сократа*.

Владимир Бибихин

*Для служебного пользования*ⁱ

Власть начала искать идеологические альтернативы марксизму рано. Уже в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие. В те же годы нас, природных диссидентов, допустили к деньгам, которые органы выделили на идеологическую разведку альтернатив. Почему поиски открытости были опять секретными, надо понимать из привычки власти, страны и каждого в стране, давней московской привычки не любить вече, деловито обходить общину, провоцировать всякое собрание народа на конфликт, а потом среди неразберихи выполнять специальные задания.

На выделенных деньгах как грибы выросли или разрослись уже существовавшие институты и сектора идеологической информации, вдобавок к издавна существовавшей научно-технической. Вообще научных институтов в стране было много, и у меня в ушах до сих пор звучит сердитый голос шотландца на британской сельскохозяйственной выставке, который возился со своими экспонатами и ворчал: «Они все из институтов, нечего с ними разговаривать». То, что готовили, переводя и реферируя «западных авторов», младшие научные и научные сотрудники, включалось в «номерные» сборники ДСП (для служебного пользования), т.е. такие, каждый экземпляр которых нумеровался и под своим номером рассылался по особым (специальным) спискам ответственных работников, допущенных к идеологической информации. Так можно было контролировать утечку сборников. Внесписочные читатели поэтому иногда стирали номера. Теоретически каждый изготовитель сборников ДСП оказывался приобщен к государственной тайне и не имел права выезда за границу. Правда, о случаях реального применения этого правила не было слышно, здравый смысл как всегда потеснял придуманные нормативы.

Допуск в *спецхран* библиотеки, поручение прочесть и изложить западного автора давало свободу от сидения «на службе»,

ⁱ Владимир Бибихин. *Для служебного пользования* © Бибихин В. В., наследники (1999).

возможность отвести душу среди голосов свободного мира и открытого общества. Всё портило то, что нельзя было говорить тем же непоставленным голосом что западные люди. Если референт не делал время от времени словесного жеста отстранения («но вы понимаете, *они* говорят, не мы»), ему грозило не показаться своим человеком. А ведь изложить *их* сдавленным горлом было по существу невозможно. Философы и публицисты свободного мира с их тысячелетней привычкой к политической свободе в наших изложениях неприметно дичали, начинали кричать в вызывающем тоне бунтарей. Фатальное изменение тона, неизбежное упущение живого контекста, не говоря уж о спешности рефератов и выборочности переводов, делало всю массу новой идеологической информации проблематичной.

И сейчас я не знаю, нужна ли была та отдушина для немногих. Об оккупированных скифах на территории теперешней России сообщали, что они прятались от оккупантов с каменным грузилом под водой, дыша через камышовую трость; враги с лодок вгоняли те трубки им в горло. Говорить о первых ласточках духовной свободы, об интеллектуальном питании в ситуации духовного голода или о школе новой политико-идеологической немарксистской элиты применительно к потоку закрытой литературы неудобно. Слишком криво и рвано всё было поставлено. Первые ласточки ориентировались на западные новинки четвертьвековой давности, доступ к вольной литературе оставался скудным. Высокопоставленной элите был сделан сомнительный подарок. Ей преподносили скандальные полусведения вместо основательной или хоть сколько-нибудь строгой школы социальной мысли.

Но что было, то было. Как трава среди камней, люди с идеологическим заданием в спецхранах забывались, пробивались к свету. Они возвращались к своей природе, росли, просыпались для настоящего, нуждались, меняли глаза. В номерных политико-идеологических информативных изданиях слышится невольный тон жалобы и доноса — как, надо сказать, почти во всей нашей словесности. Люди взывают к правде, словно есть инстанция, которая наконец услышит и найдет в себе силу повернуть течение дел из тупика по крайней мере к разуму, если не сразу к истине. Конечно, было наивно думать что просвещенное начальство имело свободу действий и в его решении искать выхода таилось что-то бескорыстное. Оно едва ли могло и явно не хотело взять на себя какую бы то ни было ответственность

за перемену курса. Только ослабление отчетливой воли власти сразу почувствовали все. Оно стало молчаливым разрешением на некоторую свободу.

Свободу мысли? Нет, одной ее показалось сразу мало. Надо спросить у истории московского человечества, почему от бесконечного терпения у нас такой маленький шаг до радикализма. Случилось так, что при первом веянии перемен сразу четверо из восемнадцати сотрудников сектора научной информации Института философии Академии наук с отчаянной решимостью выбрали эмиграцию. Владимир Корнельевич Зелинский, не боец по природе и воспитанию, достаточно обеспеченный и академически спокойный, в этом пункте почти не имел колебаний, разве что только вид храма Ильи Обыденного на горке между началом Остоженки и набережной вводил его иногда в недолгие сомнения. Готовность порвать со всем здешним далась ему в конечном счете без крайних усилий. Прорваться к свободе сделал робкую полупопытку Лев Каганов, еще в конце 60-х то ли попросивший, то ли нет политического убежища в Швеции. Упряমে всех вел себя Юрий Мальцев, как до, так и после увольнения отстаивавший свое конституционное право сменить страну проживания на Италию, пока не получил наконец в 1975 разрешение на выезд в Израиль. Позднее он, уже преподаватель русского языка и литературы в Милане, вынесет уникально жесткий приговор всему, что пишется и делается в нашей стране, как неисправимо порченому, зараженному рабством, явно или неявно отравленному тиранией. Надо сказать, что уехавшие имели на Западе утешение достигнутой цели, но не избавились от недовольства.

Когда Владимира Зелинского исключали, в секторе информации Института философии все автоматически должны были подать заявления об уходе. Почти все потом, правда, по приглашению начальства написали заявления с просьбой принять их обратно на работу и в основном вернулись. Заведующая сектором энергичная и независимая Инна Семеновна Шерн-Борисова — она славно поступила, когда в сталинские времена на защите диссертации расцарапала лицо официальному оппоненту, нашедшему у нее вражескую идеологию, — была уволена и через год скончалась от скоротечной болезни. Ее заместительница и подруга Антонина Васильевна Дерюгина не выдержала напряжения разгона; никогда уже резкий тон проклятия не ушел из ее голоса, подозрение из взгляда.

Все успели заразиться свободой Зелинского. Это он впер-

вые включил в плановый сборникⁱ керкегоровское «Введение в христианство» в старом переводе А. Ганзена, и туда же, в наших переводах, 4 статьи Карла Барта, три Пауля Тиллиха, фрагменты писем и записок из тюрьмы Дитриха Бонхёффера. Красавица и умница Наташа Артемьева поместила последним из этих фрагментов:

Мы были молчаливыми свидетелями зла. Много бурь пронеслось над нашими головами. Мы научились искусству обмана и иносказания. Опыт сделал нас подозрительными и лишил нас открытости и откровенности. Мучительные конфликты утомили нас и даже сделали циниками. Остались ли мы прежними? Нам будут нужны не гений, не циник, не мизантроп, не искусный тактик, а честные, прямые люди. Хватит ли у нас душевных сил и достанет ли у нас правдивости и беспощадности к себе, чтобы отыскать путь назад к искренности и простоте?»ⁱⁱ

Теперь не абсурдно спросить перевод Бонхёффера в книжном магазине. В эпоху закрытых информативных изданий почти не было слышно, чтобы те книжечки кто-то кому-то продавал, по крайней мере в нашей среде такое никому не могло прийти в голову. Конечно, те, у кого в руках правдами и неправдами застревали нумерованные экземпляры «для служебного пользования», давали их другим. В официальные списки рассылки изготовители сборников не включались. Иметь экземпляр, не больше, негласно иногда разрешалось или, вернее, не вполне запрещалось только непосредственному автору.

Доказывая тем невольно правоту Юрия Мальцева, люди, способные работать, тратили свои основные силы на то, чтобы внушить начальству, например, продолжающуюся актуальность Гегеля и соответственно необходимость посвященного ему сборника. Начальство невыразительно соглашалось, и мы вскоре радовались, с гордостью показывая в своем круге первого русского Хайдеггераⁱⁱⁱ, напечатанного смазано и бледно на старом ротاپринте тиражом 250 экземпляров. Этот философ был, грустно сказать, в 1974 году еще новинкой. Даже для А. Ф. Лосева «Учение Платона об истине» оказалось в 1967 новостью. Так велико было отставание в философии (не в лингвистике, тем более не в науках,

i Для служебного пользования. Экз. № 242. Современный протестантизм. Часть I. Редактор В.К.Зелинский. Москва: Институт философии АН СССР. Сектор научной информации и реферирования зарубежной философской литературы 1973, с. 2–46.

ii Там же, с. 180.

iii М. Хайдеггер. Гегель и греки; Г. Гадамер. Гегель и Хайдеггер // Для служебного пользования. Экз. № 242. Диалектика Гегеля в оценке современных западных философов. Часть I. М.: ИФ РАН 1974.

даже не в богословии), что на фоне неосведомленности всякий луч света вызывал эйфорию и всплеск фантазий.

Чего другого можно было ждать. В школе вы до выпускного класса слышали имена гениальных мыслителей Маркса, Энгельса, соответственно Фейербаха и Дюринга, а последним словом упадочной западной мысли вам называли экзистенциализм, проповедь приятной жизни и чувственных удовольствий. Ободренные отличным окончанием школы, вы плотно готовились летом к поступлению всё же на философский, только на философский факультет МГУ, готовили отечественную историю по толстой Нечкиной, классиков по полным изданиям, пропитывались таинственной тишиной Ленинки, выучивали стенографию, чтобы в сентябре не пропустить ни слова профессоров. Вы входили затаив дыхание для экзаменов в святыню факультетского здания, которому только чуда и тайны прибавляли покосившиеся ступени порога, гнущиеся доски фойе и сырой коридор. Горько было, что как раз на самом простом для вас экзамене, сочинении, вы получали единственную четверку — нельзя было видеть за что, — и не находили себя в списке принятых. Только несколько лет спустя вы узнавали от отца, что ваш классный руководитель, учитель истории, нашел незрелыми ваши дерзкие заметки в затеянной вами классной стенной газете «Вверх дном» и написал соответствующую выпускную характеристику. — Оставалась загадочная Москва, замороженная деловая тишина большой комнаты на втором этаже в начале Кузнецкого моста, редакции журнала «Театр», принятие вашей рукописи в газете «Советская культура» («Хотите знать, чем живет сегодняшняя школа? Читайте роман Галины Николаевой...»). Только опять вдруг необъяснимым холодом веяло от редактора, когда в длинной беседе с ним на неожиданный вопрос, как вы относитесь к нашему капиталистическому окружению, вы отвечали, что с соседями надо искать общения.

Так получалось, что когда ваш ровесник в Германии готовил докторскую диссертацию по философии, вы возвращались домой после трех лет в армии уже без мыслей о философском факультете, с идеалом народной простоты и физического труда. Нужны были годы, чтобы высшее образование снова начало манить вас, только уже не философия, а иностранные языки. После переводческого факультета, поскольку вы умолили отдел кадров поменять вам распределение с группы просмотра западной прессы в Главлите на преподавание в МИМО, поскольку вам предло-

жили уйти из МИМО по собственному желанию, поскольку вы потом разошлись в методике преподавания с Ахмановой и вынуждены были расстаться также и с историческим факультетом МГУ, то приходилось быть безработным под угрозой уличения в тунеядстве. Совершенным чудом попав в рай сектора информации Института философии, вы находили имя вашего немецкого сверстника в библиографии, откуда могли теперь выбрать его для перевода и реферата.

Не в том беда, что он тем временем, спокойно и систематически работая, успел далеко уйти вперед. Хуже было то, что вы следили теперь за ним из ниоткуда, из темноты. То, что он делал на свету, изложенное вами, шло в далекие кабинеты и в закрытые отделы библиотек. То, чем вы занимались, было не философией, а только информированием, и академик Ойзерман возмущался на дирекции, что переводческому сектору хотя и можно доверить перевод Вернера Гейзенберга, но ведь нельзя же доверять сам выбор переводимых глав.

Мы хвалились достижением в 1975 году: две книжечки хороших авторов о слове, почти половина «Пути к языку» Хайдеггера, тексты Мерло-Понти, Ортеги-и-Гассета, Сартра, Витгенштейна¹. Но наш друг, молодой Франсуа Федье во Франции, перевел «Путь к языку» раньше, причем полностью и с научным аппаратом, а главное, его работа тут же вошла частью в разрастающуюся массу французской и мировой хайдеггерианы, а мы — я помню, с какой жадностью мы смотрели на убывающую стопку этих сборников, которые наш сектор сам должен был хоронить в пакеты для рассылки, надписывая адреса библиотек и учреждений, где все эти переводы должны были глухо лечь в спецхранах. Один экземпляр, № 110, я все-таки украл, и добрая секретарша сектора сделала вид что не заметила. Из-за того, что с самого начала нами не чувствовался читатель, эти переводы странно звучали, и когда все они пошли наконец в 1990-е годы громадными тиражами в открытую печать, необходимость переделки была очевидна. А тот 150-тысячный тираж? Он ушел как в сухой песок, без откликов. Переводчик-составитель толстого сборника хайдеггеровских переводов за годы труда был награжден гонораром, сумма которого звучала как откровенный совет бросить это дело и приняться за добывание настоящих денег. Когда наконец тот массовый Хайдеггер вышел, с Запада

¹ Для служебного пользования. Экз. № 110. Онтологическая проблематика языка в современной западной философии (Сборник переводов). Ответственный редактор И. С. Шерн-Борисова. Москва: Институт философии АН СССР, Сектор научной информации 1975.

уже шла волна тотальной деконструкции, и люди, едва проснувшиеся в России от «раннего Маркса» для знакомства с главной мыслью 20 века, поспешили опережая события захлопнуть эту мысль как преодоленную. Что шло с самого начала невпопад, то и перевернувшись не вставало на ноги.

Наш сектор всем своим рабочим временем почти в порядке крепостной зависимости принадлежал директору. Богатый Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) при АН смог втягивать в ту же работу всю интеллектуальную Москву уже как вольнонаемных тружеников. Но, как ни странно, более свободные авторы ИНИОНа в своей преобладающей массе не могли устоять перед соблазном идеологической корректности и информировали власти главным образом о том, что полагали им приятным. Редко кто догадывался о том, что ищущая верхушка власти уже давно приглядывалась к нищим интеллектуалам. Правда, помочь им при своей ограниченной свободе она могла только тем, что мало откликалась на ревнивые инициативы среднего звена. Это среднее звено, злорадно глядевшее как на смертника на младшего научного сотрудника, спрятавшего свою богословскую статью в «Журнале Московской Патриархии» под псевдонимом, недоумевало, почему не работают посланные куда надо сведения.

Неблагодарное дело терпеливого обучения начальства каралось немилостью непосредственного руководства, раздражавшегося, когда ему доказывали, что белое это белое. Сил на тщательную работу над текстом, как уже говорилось, оставалось меньше. Казалось достаточным уже то, что важные имена хотя бы упоминалисьⁱⁱ. Это казалось оправданием перед внутренней неофициальной критикой. Внешней в отношении режимных изданий в принципе не могло быть.

Задолго до мировой известности Умберто Эко у нас обратили на него внимание. Уже тогда нам было понятно, насколько неверно его отнесение к структуралистам. Но мы все-таки с нетерпимым по западным меркам опозданием на 5–10 лет рефери-

ii *М. Хайдеггер.* Тезис Канта о бытии; *К. Ясперс.* Радикальное зло у Канта. *Х. Ортега-и-Гассет.* Кант. Размышление о двухсотлети // Для служебного пользования. Экз. № 153. *Философия Канта и современность* (Сборник переводов). Части 1-2. Москва: ИФ АН СССР, Сектор научной информации 1976. Для служебного пользования. Экз. № 153 (Этот экземпляр предназначался для отсылки *Суходееву* — кто он? Не было случая, чтобы кто-то из номенклатуры обращался к нам с просьбой о «сборниках». Были случаи, и не раз, когда при обысках у диссидентов находили номерные издания, и начиналось расследование. В разгоне людей из нашего сектора такие случаи должны были играть какую-то роль, хотя, насколько я знаю, и не главную. Что за хранение номерных сборников меня могут привлечь к ответственности, я боюсь и теперь, весной 2001 года.)

ровали его *Opera aperta* (Milano: Bompiani 1962)ⁱ и *La struttura assente* (1968). В те же годы мы заметили, выделили и стали разбирать Жака Деррида, еще мало окруженного журналистским ореолом.

Нашим кругом общения оставались мы сами. Правда, между своим понимание налаживалось быстро, и, скажем, гениальный Дмитрий Ляликов свою сводку о Питириме Сорокине напечатал в Грузииⁱⁱ. Что там было временно легче дышать, видно уже по тому, что экземпляры, имевшие на обложке место для номера, не были пронумерованы от руки, по крайней мере тот, которым я пользуюсь.

К концу семидесятых годов московский ИНИОН размахнулся до тысячных и двухтысячных ротапринтных тиражей терпимого полиграфического качества. Некоторые сборники состояли из полнотражных научно-философских статей, например обзоров французской, американской, немецкой феноменологии, с общим списком литературы в 324 позицияхⁱⁱⁱ. К сожалению, из-за закрытого характера сборника никто не мог возразить на тезисы его авторов-референтов, что феноменология — это «эзотерическое философское направление», что о ее кризисе говорят попытки связать ее с аналитической философией, что она развивается на почве религиозного идеализма; никто не мог их одернуть замечанием, что автора уничтожающего «Письма о гуманизме» неловко называть «ученым гуманитарного направления» и что *sich-sagen-lassen* ни при каких условиях не «принуждение к речению». Абсолютная невозможность посторонней критики становилась еще одной причиной, почему наши общественные науки, особенно философия, продолжали представлять для Запада в основном только этнографический интерес. Боюсь, что за грифом секретности многие чувствова-

i *Умберто Эко*. Открытость произведения искусства // Для служебного пользования. Экз. № 108. Некоторые проблемы современной зарубежной эстетики (Сборник переводов и рефератов). Часть II. Москва: ИФ АН. Сектор научной информации 1976, с. 26: «Непрестанно осуществляя свободный выбор и сознательно и постоянно отвергая стабилизированные картины мира», искусство, по убеждению У. Эко, «является орудием освобождения, которое действует уже не только на уровне эстетических структур, абстрактно рассматриваемых в их исторической и формальной эволюции, но и на уровне воспитания в современном человеке способности к самоопределению».

ii *Питирим Сорокин*. Социальная и культурная динамика. Научный обзор Д. Ляликова // Для служебного пользования №.... Проблемы аксиологии (Реферативный сборник). Философия. Тбилиси: АН ГССР. Сектор научной информации по общественным наукам. Издательство «Мецниереба» 1976, с. 107-160.

iii Для служебного пользования. Экз. № 001973. Природа философского знания. Часть II. Современная феноменология: состояние и перспективы (критический анализ). Том 1. Сборник обзоров. Москва: АН СССР. Институт научной информации по общественным наукам 1977.

ли себя в привилегированном положении, защищенными от характеристик, которыми вольные западные рецензенты отмечали иногда публикации в нашей открытой печати, вроде «патетического невежества Кувакина» или «полной профессиональной некомпетентности Зиновьева».

В «закрытых» сборниках интереснее были конечно не авторские статьи наших новых отечественных мыслителей с их чересчур уверенными суждениями, а переводы и рефераты. По замыслу они были дайджестами западной литературы. Много портит однако та же неподотчетность. Под грифом секретности референт оставался наедине с собой, будучи обязан отчитаться по существу только в количестве оплаченных страниц. Когда предисловие к изданию объемом в 12 печатных листов обещало «развернутые рефераты наиболее значительных работ по феноменологии»^{iv}, то в такой постановке задачи расхолаживал тот же захватнический размах, что и во всей политике государства. Имея рецензентом собственно только сотрудника бухгалтерии, подсчитывавшего количество знаков в опубликованном тексте, средний референт безысходно эквilibрировал на грани разумительности между банальностью и мерцанием смысла:

Философия для Мерло-Понти не знает окончательных ответов; она есть в сущности своей вопрошание. Называя себя экзистенциалистом, Мерло-Понти утверждал «вовлеченность» философии в жизнь мира, невозможность отвлеченной позиции. Но и здесь он стремился к равновесию между вовлеченностью и независимостью, к философствованию в мир [sic], не будучи поглощенным им [?].^v

Всё прояснялось, когда редактор был по-настоящему увлечен темой и подбирал себе таких же энтузиастических референтов и переводчиков. Самой свободной от идеологического надзора в философии была область теории науки. Если отвлечься от общих сомнений в пользу философского теоретизирования о науке и для философии и для науки, то здесь наши исследователи достигали результатов, сопоставимыми с западными в той же области^{vi}. Ощущение реального дела в руках заставляло открытыми и доверчивыми глазами смотреть вокруг, в частности, надеяться на здравый смысл правящей идеологии и на возмож-

iv Для служебного пользования. Экз. № 001773. Природа философского знания. Часть II. Современная феноменология. Том 2. Реферативный сборник. Москва: АН СССР, Институт научной информации по общественным наукам, 1977.

v Там же с. 65.

vi Для служебного пользования. Экз. № 000974. Методологические проблемы генезиса науки. Реферативный сборник. Отв. Ред. Л. М. Косарева. Москва: АН СССР, ИНИОН, 1977.

ность подключить ее гигантские ресурсы к работе:

Высказывая отношение к интернализму и экстернализму, нельзя забывать слов В.И.Ленина о том, что марксисты должны суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые достигнуты буржуазными исследователями.ⁱ

Добрая душа, напоминая об этом власти, не умела по своей простоте догадаться, что чем выполнять то указание Ленина, номенклатуре легче сбросить самого Ленина и выйти на оперативный простор без всяких общекультурных директив свыше.

Беструдным выходом из идеологического тупика властным стратегам представлялся, как уже говорилось, православный патриотический вариант. Религия по крайней мере с конца 1970 годов оказалась среди заметно финансируемых областей информации. Если бы составители рефератов уверенно формулировали себе, чего от них практически хочет начальство. Начальство однако стеснялось сознаться в своих мечтах. Референты соответственно увлекались идейно-теоретическими парениями на христианской почве, обходили трудные вопросы практики, не забывали застраховать себя избыточным попутным пророчеством о закате Европы.

Таким образом, очевидно, что леворадикальная теология является одной из форм буржуазной идеологии. Она использует персонализм Мунье для того, чтобы создать новую привлекательную для масс концепцию христианства, мистифицировать учение о социальной революции, обеспечить идеологическую и политическую нейтрализацию социального протеста трудящихся масс.ⁱⁱ

Каждые две буквы подобной закрытой научной информации оплачивались старой весомой копейкой из кассы ИНИОНа. Власть, конечно, получала из всего того мало пользы. Но она постепенно укрепляла сама себя в своих тайных планах простым объемом заказанной ею литературы. Пусть не давая власти почти ничего практически, реферативная литература позволяла оперировать религией как объектом среди прочих. Здесь самые отвлеченные интересы научных сотрудников и самые практические цели власти сходились. Общее признание кризиса христианства тоже было удобно власти, благословляя ее видеть в религии теперь уже просто материал для обработки.

ⁱ Ук. соч., с. 34.

ⁱⁱ Для служебного пользования. Экз. № 000046. Современный персонализм и религия. Научно-аналитический обзор. Москва: АН СССР, ИНИОН 1977, с. 57.

Попытки отстоять позиции религии в борьбе с растущим влиянием научного социализма — еще одно свидетельство кризиса религии, являющегося составной частью общего кризиса буржуазного сознания.ⁱⁱⁱ

Внутренние противоречия актуализма привели к кризису и распаду этого течения.^{iv}

Кризис религии находит свое выражение в ее несоответствии современному уровню знания.^v

Эти тенденции — выражение своеобразного симбиоза философии и религии, переживающих глубокий кризис в рамках общего кризиса буржуазной идеологии.^{vi}

Беспартийные и непредвзятые попытки следить за движением западной религиозной мысли^{vii}, когда давали о себе знать, урезались редактированием, получали идеологическую маркировку без совета с наивным референтом. Напрасно он воображал что в закрытом номерном издании его пропустят как он есть.

Краткий обзор за пять лет материалов одного из ведущих теолого-философских католических журналов свидетельствует, какую большую роль идеологи религии отводят философской аргументации, как они стремятся использовать инструментарий современной буржуазной [слово вставлено редакцией] философии.^{viii}

В целом, правда, редакторская цензура была поверхностной, касалась больше начал и концовок текстов.

Фейерверк пестрых обзоров никем не обозревался. Авторы номерных сборников теоретически не должны были читать друг друга, практически они этого не делали. Так, изложение хайдеггеровской «Феноменологии и теологии» М. Рыклин давал в ИНИОНе по оригинальному изданию^{ix} без упоминания об имеющемся недавнем полном переводе этой работы на русский язык в закрытом сборнике Института философии.

Хорошей стороной относительной свободы была возможность думать по ходу письма, развивая смысл источника. Тогда, как уже цитировалось выше, текст повертывался к реалиям и

iii Для служебного пользования. Экз. № [номер соскоблен]. Серия: Проблемы религии и атеизма за рубежом. Реферативный сборник: Зарубежные концепции философии религии. Москва: Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам [совместно с:] Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт научного атеизма, 1977, с. 12.

iv Там же, с. 20.

v Там же, с. 69.

vi Там же, с. 220.

vii Теология и философия (научно-аналитический обзор журнала "Theologie und Philosophie") // там же, с. 221-228.

viii Там же, с. 248.

ix Для служебного пользования. Экз. № [номер соскоблен]. Серия: Проблемы религии и атеизма за рубежом. Идеализм и религия. Реферативный сборник. Москва: АН СССР, ИНИОН; АОН при ЦК КПСС, Институт научного атеизма, 1977, с. 272-276.

приобретал достоинство прямой постановки вопросов.

*Возможно, критика Фрейда еще недостаточно оценена, и церкви еще предстоит познать, сколь большую роль играют в ней авторитарность, подавление, нравственное принуждение за счет бессильного и бедного грешника — верующего, который во всем чувствует свою зависимость от нее. Не скрыта ли в критике религии со стороны психоанализа и атеизма новая возможность развития христианства?*¹

При отсутствии отклика мысль от изложения переходила к свободному раздумью по поводу прочитанного. Временами засекреченная литература поднималась до настоящего осмысления ситуации. Пусть лишь в малой мере участием в общей работе, но хоть личной школой прояснения нашей ситуации для непосредственных создателей информации номерные издания служили. Когда беспартийным стало можно говорить в университете, когда цензура стала только финансовой, у многих референтов, переводчиков благодаря 15 годам более близкого знакомства с западной мыслью оказалось что-то наработано и для самостоятельного выступления.

Приобретение читателей засекреченных сборников оказалось гораздо более сомнительным. Неизбежная обрывочность сведений, беспокойный тон рефератов, пикантность непривычного взгляда, а главное, утрата почвы делали реферативный калейдоскоп скорее отравой чем питанием. Не на этих ли отчасти дрожжах возшло демократическое мечтательство перестроечных лет. Старое радикальное полузнайство родило новую абстрактную конституцию не хуже сталинской, прекраснодушные проекты и придуманные правила, провоцирующие на несоблюдение своим отвлеченным идеализмом. Пусть меньшее богатство идей, но вовремя пущенных в открытый общественный оборот, стало бы достаточной прививкой от демагогии. Бывший референт и переводчик многих изданий ДСП, спрашивая себя сейчас по совести, вынужден в конце концов признать: нет, заниматься следовало по-настоящему все-таки независимым исследованием или открытым общественным заказом; деньги за работу, скрываемую от тех, кому она всего нужнее, ты имел право брать только в случае совсем уж крайней нужды. Теперь, когда разжижилась прежняя вязкость московской среды, можно уверенно думать и говорить, что воздух в стране был бы хоть и проще, но чище, если бы обществоведение «для служебного пользования» никогда не существовало.

---

¹ Там же, с. 230.

Иначе все рисовалось в те годы, когда Нью-Йорк снился, поездок за границу без партийного задания и инструктажа не могло быть, бессильная ярость брала читателя у каталогов современной литературы, и надо было получить драгоценный *допуск* в закрытый *спецхран*, чтобы прочесть последний роман Грэма Грина и публицистику Эжена Ионеско. Литература, официально закрытая таможенниками-литературоведами на границе, оставалась запечатанной в переводах и рефератах для служебного пользования.

Ее выход на свет произошел не за счет тиражей, а благодаря звездам, таким как знаменитая Рената Гальцева, которая при жизни стала легендой. После выхода последних и самых важных томов Философской энциклопедии, расшатавших официальную идеологию («это был наш маленький крестовый поход», сказал потом Аверинцев), Гальцева перешла на работу в ИНИОН. Ее увлеченность и упорство сделали так, что сама позорная закрытость *сборников* создала захватывающую интригу, стала обсуждаемым событием.

Начало восьмидесятых стало временем расцвета засекреченной информации об общественных науках за рубежом, как конец восьмидесятых привел к ее полной отмене за ненужностью в наступившей свободе печати. Может быть, самым знаменитым стал не раз переиздававшееся потом в открытой печати, созданный исключительно волей Гальцевой сборник переводов и рефератов в трех выпусках с амбициозной претензией на анализ судьбы европейских искусства и культуры. С каким скрипом материалы сборника, в основном давно подготовленные для возможного издания их авторами — известными всем, как например Аверинцев, знатоками и профессионалами (еще более известными сейчас, но отчасти разъехавшимися по свету), — достигали конечно не одобрения, а кривого согласия начальственных идеологов, видно из расстояния в четыре года между первой и третьей книжками общим объемом около 45 авторских листов.

Людей, даже не входивших в списки рассылки и вообще не видевших закрытые сборники, веселили анекдоты о том, как Рената Гальцева доказывала солидному начальству нужду в Шпенглере и Юнге, неотступно добивалась получения тиража в свои руки, сама составляла списки рассылки, при необходимости обманывала недреманое око. Чтобы ее заявки на издания выглядели весомее, она приглашала в редакционную коллегия именованных либералов. Доктор философских наук прогрессивный

Арсений Владимирович Гулыга, почти академик широкая душа Александр Георгиевич Спиркин, летний съемщик его дачи сам Алексей Федорович Лосев призваны были весом своего номинального участия убедить ответственного идеологического работника, заместителя директора ИНИОНа Марлена Павловича Гапочку, что труды Йохана Хейзинги и Макса Вебера «являются предметом пристального исследовательского внимания со стороны представителей самых различных областей общественности, что получило, в частности, отражение в многочисленных монографиях, журнальных и энциклопедических статьях — как в нашей стране, так и за рубежом»ⁱ. Чеканное заклинание. Упоминание Маркса в изданиях, которые вела Гальцева, допускалось только со скрытым ироническим смыслом.

Если в редколлегиях Гальцевой сияли свадебные генералы, то реально над ее сборниками работали лучшие умы Москвы. Аверинцев переводил, выбирая самые важные места, запоздавший в Россию второй том «Заката Европы» и статьи Юнга, первоклассный германист Владимир Ошис (теперь в Израиле) — главы из «*Homo ludens*» Хейзинги, всеми уважаемая Пиама Павловна Гайденок — программный текст Макса Вебера.

Строгие законы жанра писаны конечно не для Москвы. В примечаниях к тому, что предполагало быть сухой научной информацией, Аверинцев давал критический анализ всего шпенглеровского метода:

*С исторической эмпирией это имеет мало общего. Положение усугублено тем, что само понятие религии отличается у Шпенглера крайней расплывчатостью и не отмежевано с одного конца от мифа, с другого края — от метафизики. Тем более не проведено никакой дифференциации между различными уровнями религии в собственном смысле слова: верования и переживания дикаря, израильского пророка, античного неоплатоника, индийского йога, Франциска Ассизского, Паскаля и американского квакера [...]*ⁱⁱ

Совсем оставив Шпенглера, Аверинцев в тех же «примечаниях» у нему развертывал захватывающую концепцию жесткого вероучительного догмата как побочного продукта строгой философии:

[...] структура символической системы мифа предполагает [...] поглощенность смысла образом [...] Но когда дело доходит до построения догматики, интерес к нагому

i Для служебного пользования. Экз. № 000251. Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX века. М.: ИНИОН 1979, с. 3 (От редколлегии).

ii Там же, с. 101.

смыслу настолько насыщен, что последний необходимо должен выявиться, эксплицироваться в формуле. Все ужасы религиозной нетерпимости средневековья — естественная оборотная сторона этого голода по нагому и безусловному смыслу. Уже из того, что вплоть до возникновения философии греки довольствовались мифологией, т.е. не вылученным из опредмечивающей оболочки смыслом, доказывает, что ничего похожего на духовные битвы раннего христианства архаическая Эллада не знала.ⁱⁱⁱ

Попутно в этих энциклопедических примечаниях Аверинцев сообщает дату возникновения розария, его текст и практическое руководство к нему, рассказывает предысторию и суть догмата о непорочном зачатии. В сносках к Юнгу он между делом дает сведения по истории детства, недавно пригодившиеся, кстати, известному искусствоведу:

Архетипы рождения и новорожденного младенца играют не одинаковую роль в различные историко-культурные эпохи: они крайне характерны для мифологии и искусства средиземноморской архаики (например, для культур эгейского Крита или догреческой Малой Азии), но в эпоху классического эллинизма почти совершенно исчезают, так что в аттическом искусстве боги-младенцы оборачиваются юношами, а впоследствии, в эпоху тотального кризиса античного мира, они вновь приобретают невероятную популярность, достигающую своего апогея в раннем христианстве, на знамени которого было написано: «Если не будете, как дети, не войдете в царствие небесное». Затем в средневековом искусстве дети снова исчезают, чтобы появиться в искусстве Ренессанса и затем в кризисную эпоху буквально заполнить живопись и скульптуру в виде ангелов и амуров. Подобное же значение историко-культурного симптома имеет и феномен «инфантилизма» в современном искусстве.^{iv}

В те же примечания Аверинцев вмещает краткий оригинальный трактат о гермафродите с экскурсом в христологию и с предвосхищением феминистских тем. Традиционный образ Христа, говорится здесь,

не есть уже образ «мужчины», но образ «человека» [...] черты, которые были бы исключены из ригористически «мужественного» образа как «девические» и потому неуместные [...] В искусстве Леонардо да Винчи Иоанн Креститель и Джоконда — это, собственно, один и тот же образ; не лицо того или иного пола, культивирующее в себе черты этого пола, но свободная человеческая личность, с полной

ⁱⁱⁱ Там же, с. 102.

^{iv} Там же, с. 212.

ясностью и уравновешенностью противостоящая познаваемому ею миру.ⁱ

Разброс аверинцевской эрудиции тревожил бы несобранностью, если бы не радость открытия культурных богатств, казалось бы, навеки убранных властью в запасники. Печально, что открытие это торжествовало в закрытом издании.

Пиамма Гайденко с обстоятельной серьезностью объясняла в сносках к Веберу университетскую традицию Германии, связывая ее с протестантским характером религиозности в этой странеⁱⁱ, и различия философских течений эпохи. Примечания к Хайдеггеру разрослись в том же сборнике шире его текста. Реферативная работа такого рода вполне могла бы развернуться в полноценную школу гуманитарного исследования.

Но противление ближайшего начальства было слишком плотно. Выпуск 3, последний в столь блестяще начатой серии, задержался на 4 годаⁱⁱⁱ. Редколлегия и исполнители остались прежними. Гальцевой теперь помогала энтузиастка дела, литературный редактор Валентина Листовская. Подбор текстов (Франсуа Мориак, Эжен Ионеско, Генрих Бёлль, Роберт Пенн Уоррен, Джон Гарднер), старательность исполнителей всех трех номеров серии оказались таковы, что с наступлением гласности все эти тексты без каких-либо изменений были переизданы тиражом 75 тысяч^{iv} и еще раз недавно в более полном виде хорошим современным тиражом^v. Рената Гальцева внесла мелкую правку в свое предисловие двадцатилетней давности, полагаясь на продолжающуюся актуальность его звучания:

Самосознание современности [...] эпохи, которая отмечена регистрацией «смертей», «закатов», «сумерек» и «концов», — выражает определенный перелом в основных традициях западноевропейского мышления.^{vi}

Легче проходили через начальственные инстанции материалы, послушно отвечавшие двум главным требованиям начальства: чтобы все сообщения были введены в идеологические

i Там же, с. 215.

ii Там же, с. 270.

iii Для служебного пользования. Экз. № 000718. Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX в. (Диалог писателя с современным миром: Европа и США). Выпуск 3. Реферативный сборник. Москва: ИНИОН АН СССР 1983.

iv Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Издательство политической литературы 1991.

v Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. М. — СПб: Университетская книга. Культурная инициатива 2000. 638 с. Тираж 3000 экз.

vi Ук. соч., с. 9.

рамки и чтобы ненужная гуманитарщина была высушена до деловой информации. Конечно, хотелось бы получить, например, одну из книг Клода Леви-Строса в полноте. Приходилось однако довольствоваться «краткой антологией статей французского ученого», сожалея вместе с переводчиком-составителем о том, что она «естественно, не претендует дать сколько-нибудь исчерпывающее представление о творчестве Леви-Строса»^{vii}.

Проходимости текстов через дирекцию помогли сакральные фразы, без которых имела мужество обойтись почти только одна Гальцева.

Советские ученые [...], зарубежные марксисты [...] в своих трудах раскрыли ошибочность исходных теоретико-методологических посылок леви-стросовской концепции ментальных структур, содержащей в себе антиисторическое идеалистическое допущение единообразной работы человеческого духа во все времена и у всех народов.^{viii}

После столь сурового приговора, в другие времена имевшего бы уголовный смысл, референт ради успокоения начальства, которое могло решить, не дай Бог, что информировать о столь ошибочном авторе несмотря на его известность пожалуй все-таки нецелесообразно, брал на свою совесть не совсем точное сообщение о якобы пройденной и Леви-Стросом тоже марксистской школе:

Для характеристики взглядов и субъективной позиции Леви-Строса важно отметить, что он называет в числе своих учителей К. Маркса; резко критикует модернистские течения в современном искусстве, отдавая свои симпатии реалистическому, поднимает свой голос против геноцида, осуществляемого империализмом, против эксплуатации.^{ix}

Читатель поневоле свикался с такой и подобной специфической информацией и с россыпью многоточий в разорванном купюрами тексте. Возможно, однако, поступать следовало как раз наоборот: быть готовым довольствоваться пусть самым малой ложкой меда — языку много не надо, чтобы понять вкус, — но без дегтя. У конформиста на это, конечно, был готов ответный резон, что хороший мед не для всех. Общая загрязненность словесной среды служила элитному автору (служит и до сих пор) надежным оправданием своего права не делиться ни с кем чистотой источников, к которым он припал. В конце предисловия он формулировал свою цель:

vii Для служебного пользования. Экз. № 00315. Клод Леви-Строс. Структурная антропология (сборник переводов). М.: ИНИОН АН СССР 1980, с. 11.

viii Там же, с. 7.

ix Там же, с. 12.

Задача данного сборника [...] в том, чтобы шире познакомить наших обществоведов с трудами крупного современного структуралиста и обеспечить тем самым возможность их глубокого критического осмысления, оценки с принципиальных марксистских позиций.ⁱ

Сколько ни вкладывалось иронии в эту стандартную формулу, именно она оседала под конец в памяти. Навык обзора, охвата, огульной оценки с предвзятых позиций, вовсе не обязательно марксистских, насаждался и упрочивался, формируя интеллектуальный облик революционного десятилетия.

В «сборниках», ответственным редактором которых значилась Рената Гальцева, мы не найдем марксистских формул. Здесь берегли чистоту текста. Но та же привычка обзора с птичьего полета, историософского обобщения, режущей оценки, пусть теперь уже скрытно антимарксистской, просматривалась тут чуть ли даже не более прозрачно чем у менее отважных противников марксистской идеологии. Между тем в недрах власти планы отказа от этой идеологии, как уже было замечено, давно назревали. От чего власть не хотела и не могла отказаться, это как раз от глобальности размаха и радикальности приемов. Именно здесь она находила нужный отклик среди многих интеллектуалов, увлекшихся борьбой с нею на идеологическом поле.

Выставляя вперед именитую редколлегию, Рената Гальцева добилась первого в России издания Хайдеггера аккуратной целой книжечкой тиражом в 1000 экз.ⁱⁱ Но ради проходимости фактически полный перевод «Европейского нигилизма» был переделан в видимость «обзора». Правда, в Приложение вошли полностью важные тексты «Учение Платона об истине» и «Послесловие к: 'Что такое метафизика?'». Заметный блок хайдеггеровских статей — «Вопрос о технике», «Наука и осмысление», «Что такое метафизика?» — был опубликован коллегами Гальцевой по ИНИОН'у без большого труда в закрытом сборнике естественнонаучной тематикиⁱⁱⁱ.

Проходимость западной современной классики на темы, сколько-нибудь приближенные к науке, была всегда сносной, как и вообще философия науки оказывалась одной из самых свободных областей гуманитарного исследования и прибежищем свободных умов. Доказать начальству необходимость

ⁱ Там же.

ⁱⁱ Для служебного пользования. № (стерт). Работы М. Хайдеггера по культуре и теории идеологий. М.: ИНИОН АН СССР 1981.

ⁱⁱⁱ Для служебного пользования. № (стерт). Проблема объекта в современной науке. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1980, с. 168-255.

именно перевода, а не только обзора, книги, в названии которой фигурировало слово «наука», было несравненно проще, чем когда речь шла о чистой философии.^{iv} Размытость тематики и отсутствие выхода на широкую публику, правда, мешали росту уровня этой маргинальной сферы. Особенно здесь сказывался недостаток открытой полемики и, в частности, уже упоминавшееся отсутствие во всей огромной практике ИНИОНа намека на какую-либо критику создававшихся в его недрах переводов и обзоров. Получив новую даровую книжку со свежими западными именами в оглавлении, счастливый пользователь меньше всего был склонен придирается к деталям. Тот же недостаток критики в основном продолжается, правда, и в сегодняшней открытой печати.

Говоря в своем предисловии к сборнику о продолжающейся работе «рассекречивания» хайдеггеровской мысли^v, Гальцева, помимо упоминавшихся выше малотиражных плохо пропечатанных на ротапинтере изданий Института философии, могла сослаться и на рано опубликованную ею — с огромным трудом после двух лет отлеживания в начальственных столах — программную работу философа «Время картины мира»^{vi}.

Исполнитель заказа Гальцевой, увлеченный Хайдеггером, работал *con amore*. Он полагался на размах русского языка в передаче хайдеггеровского монументализма, особенно в концовках разделов:

Нигилизм у Хайдеггера не предмет положительного исследования и вообще не такая реальность, на которую можно было бы указать: человек всегда носит его в себе как бездну ничто, над которой взвешено его существо, даже если он в нее не заглядывает; нигилизм оказывается знамением безграничной человеческой свободы, пути которой никогда заранее не определены и которая открыта как для гибели, так и для спасения.^{vii}

Он естественно думал об афганской авантюре, когда обобщал по Хайдеггеру ницшевскую мысль о «мировом господстве»:

Новому человеку эпохи идеологий нечего больше делать на земле, кроме как упрочивать абсолютное господство над ней — или поставить под вопрос свою метафизически-ни-

iv Для служебного пользования. Экз. № 000828. Макс Вебер. Исследования по методологии науки. Перевод М. И. Левиной. Части 1, 2. М.: ИНИОН АН СССР 1980.

v Работы М. Хайдеггера по культурологии..., с. 6.

vi М. Хайдеггер. Время картины мира // Для служебного пользования. № (стерт). Современные концепции культурного кризиса на Западе. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1976, с. 208-249, примечания с. 250-253.

vii Работы М. Хайдеггера..., с. 88.

гилистическую сущность. Когда летом 1940 года Хайдеггер впервые развертывал перед пустеющей аудиторией перспективу «заката истины сущего», «опустошения земли» и шествия по ней нового «человечества метафизики», «работающего зверя», немецкие армии вкатывались во Францию и готовились к высадке на Британские острова.ⁱ

Работавших в ИНИОНе и для ИНИОНа окружало тогда, как всех писавших и говоривших в России, пока еще звонкое, забытое теперь отзывчивое пространство. Малотиражность изданий мало кого смущала. Слава об открытом информационном окне на Запад широко расходилась и среди тех, до кого те издания не доходили. Окно было нужно людям, которые только мечтали о поездке за границу или, побывав для начала в Польше или пусть даже пятидневным туристом в Париже, лишь острее понимали, насколько этого недостаточно.

Жажда действия брала свое. Авторы информационных сборников, осведомленные и активные интеллектуалы, все меньше готовы были скрывать, что у них имеется продуманная альтернатива официозуⁱⁱ. С другой стороны, под рубрикой информации стали проходить самостоятельные исследования, по своей тематике — проблема нигилизма, политическая философия — пока еще недопустимые в контролируемой печати. Размышлялось и понятие «реферативного сборника», который все чаще включал переводыⁱⁱⁱ. Занимаясь своими разработками, ученые умели внушить необходимость темы и в целой серии сборников развертывали собственные идеи и обозревали изученную литературу^{iv}.

Наконец, в том же 1987 Рената Гальцева и Ирина Роднянская в совместном занявшем почти весь сборник «обзоре», фактически книге, которая и была благополучно издана вскоре свободной прессой, пошли в почти прямое наступление на марксизм, все еще казавшийся им главным врагом, подняв тематику идеологии вообще. Правда, они еще ссылались на «марксово истолкование этого феномена как ложного сознания»^v.

i Там же, с. 124.

ii Для служебного пользования. Экз. № 000808. Неоконсерватизм в странах Запада. Часть I. Социально-политические аспекты. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1982.

iii Для служебного пользования. Экз. № 000609. Общество. Культура. Философия. Материалы к XVII Всемирному философскому конгрессу. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1983.

iv Для служебного пользования. Экз. № 000788. Социокультурные утопии XX века. Выпуск 3. М.: ИНИОН АН СССР 1985; Для служебного пользования. Экз. 000915. Глобальные проблемы и будущее человечества. Выпуск 6. М.: ИНИОН АН СССР 1987.

v Для служебного пользования. Экз. № 000069. Формирование идеологии и социальная практика. Сборник обзоров. М.: ИНИОН АН СССР 1987.

Заглядывая вперед, два автора предвидели, что поддержанное силой марксистское лжеединство может смениться нежелательным разбродом в форме размытого плюрализма, не дав шанса утвердиться единству истинному.

Вместо подлинного многообразия общественных мнений и начинаний, в идеале обеспечиваемого гражданским плюрализмом, плюралистическая идеология предлагает разнообразие мнимое, пустое, — ибо мнение, которому не дано шанса доказать свою правоту перед высшим судом истины, незначительно в буквальном понимании этого слова: в нем нет общезначимого зерна ценности и смысла.^{vi}

Обзор кончался предельно взвешенными словами, которые выражали строго антимарксистские убеждения авторов, но в то же время могли быть приняты за страстную защиту традиционных идеологических позиций. Ротапринтная печать несет здесь явственные следы интенсивной редакционной, в данном случае одновременно авторской, доработки:

Сколько бы ни усиливались антиидеологи-плюралисты обойти со своих прагматических флангов факт конфронтации «ложного сознания» и истины, он остается ключевым посреди эпохального соперничества идеологий.^{vii}

Последние ИНИОНовские «закрытые» сборники были посвящены богословию. Старательно подготовленные изложения почти всех главных книг Этьена Жильсона в 1987 году вышли еще как номерное издание^{viii}, а в следующем году — уже как открытое^{ix}.

Всего дольше засекречивалось православие. Богатый научный сборник, в который вошли сообщения о работах А. Шмемана, А.В. Карташева, С. Зеньковского, Н. Зернова, Л. Поспеловского, Г.П. Федотова, Фери фон Лилиенфельд, В. Волкова с множеством важных сведений и значительной библиографией, был, пожалуй, последним изданием ИНИОН, который по каким-то причинам начальство решило засекретить^x.

1999 г.

vi Ук. соч., с. 144.

vii Там же, с. 145.

viii Для служебного пользования. Экз. № 000859. Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. Выпуск 1. М.: ИОИИ АН СССР 1987.

ix Работы Э. Жильсона по культурологии и истории мысли. Реферативный сборник. Выпуск 2. М.: ИНИОН АН СССР 1988.

x Для служебного пользования. Экз. № 000012. Проблемы православия в зарубежных исследованиях. Реферативный сборник. М.: ИНИОН АН СССР 1988.